

Вольтеровские
чтения

Bibliothèque nationale de Russie

Российская национальная библиотека

Lectures Voltairiennes

II

Recueil d'articles

Вольтеровские чтения

Выпуск 2

Сборник научных трудов

Saint-Pétersbourg
2014

Санкт-Петербург
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)51
В 71

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А. В. Лихоманов (*председатель*), М. Делон, П. Р. Заборов, Н. А. Елагина, Ф. Жакоб, А. А. Златопольская (*отв. секретарь*), Н. Кронк, Н. А. Копанев (*отв. редактор*), К. Пайяр, О. Д. Симбирцева, Н. М. Сперанская

Научный редактор-составитель: Н. А. Копанев, канд. ист. наук

Редакторы: С. А. Давыдова, А. А. Златопольская, Н. П. Копанева, Г. А. Мамонтова, О. Д. Симбирцева

Рецензенты: И. В. Лукьянец д-р филол. наук (СПбГУ); Н. Л. Щербак, канд. пед. наук (РНБ)

Сборник является вторым выпуском серии научных трудов «Вольтеровские чтения», подготовленным Центром изучения эпохи Просвещения Российской национальной библиотеки на основе материалов научной конференции 2010 г. Он посвящен теме «Вольтер и русская историография». В статьях исследуются различные аспекты данной темы, а также французского и русского Просвещения в целом.

Сборник представляет интерес для книговедов, историков, литературоведов и для всех, интересующихся русско-французскими культурными связями эпохи Просвещения.

Подписано к печати 24.06.14. Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 300 экз. Заказ № 76

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

ISBN 978-5-8192-0477-1

© Российская национальная библиотека, 2014 г.

Светлой памяти
Николая Александровича
Копанева,
заведующего
«Центром изучения
эпохи Просвещения —
Библиотекой
Вольтера»,
выдающегося ученого и
прекрасного человека

Сафонов Михаил Михайлович — д-р ист. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Свердлов Михаил Борисович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Соломешин Аркадий Юрьевич — канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии

Строев Александр Федорович — д-р филол. наук, профессор Университета Новая Сорбонна — Париж-3 (Франция)

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Николая Александровича Копанева	7
Предисловие	9

ВОЛЬТЕР И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Н. А. Копанев</i> . Образ Екатерины I в произведениях и собраниях рукописей Вольтера	17
<i>П. А. Кротов</i> . Вольтер о калабальке 1713 г.: вымысел или реальные подробности?	47
<i>С. А. Мезин</i> . Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: так называемые «Записки Вильбуа»	54
<i>М. Б. Свердлов</i> . Вольтер и Ломоносов — диалог двух историков России	66
<i>А. Ф. Строев</i> . История России: оружие в руках французских и русских дипломатов XVIII века	97
<i>Н. Е. Дорохова</i> . Обстоятельства восхождения на трон Екатерины II в переписке Ф.-П. Пикте и Вольтера	115
<i>Э. В. Ильиченко</i> . Россия второй половины XVIII века в «Истории» П.-Ш. Левека	124
<i>Е. П. Мстиславская, Н. В. Платонова</i> . «Просвещенный абсолютизм» в философско-исторических воззрениях А. П. Сумарокова и Вольтера	142
<i>М. М. Сафонов</i> . Вольтер, княгиня Дашкова, Екатерина II	149
<i>Т. Н. Гончарова</i> . Проблема исторической достоверности в творчестве Вольтера (на примерах историй Карла XII и Петра Великого)	174
<i>А. Н. Полосина</i> . Вольтер и Л. Н. Толстой: философия истории	188
<i>А. Ю. Соломешин</i> . Историко-методологическое осмысление творчества Вольтера в русской историографии конца XIX — начала XX в.	199
<i>Т. Е. Автухович</i> . Вольтер и Кребийон-сын: двойной портрет в интерьере эпохи	210
Список сокращений	220
Сведения об авторах	221

Bibliothèque nationale de Russie

Lectures Voltairiennes

II

Recueil d'articles

Сборник является вторым выпуском серии научных трудов «Вольтеровские чтения», подготовленным Центром изучения эпохи Просвещения Российской национальной библиотеки на основе материалов национальной конференции 2010 г. Он посвящен теме «Вольтер и русская историография». В статьях исследуются различные аспекты данной темы, а также французского и русского Просвещения в целом.

Сборник представляет интерес для книговедов, историков, литературоведов и для всех, интересующихся русско-французскими культурными связями эпохи Просвещения.

Е. П. Мстиславская,
Н. В. Платонова

«ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ А. П. СУМАРОКОВА И ВОЛЬТЕРА

Размышления о власти, политических институтах и роли монарха занимают важное место в философском, литературном, публицистическом и эпистолярном наследии Франсуа Мари Аруэ Вольтера (1694–1778). В Европе в середине XVIII в. он выступил пропагандистом просвещенного абсолютизма или «просвещенного деспотизма» как формы правления, при которой монарх стремится властвовать и усовершенствовать управление государством, руководствуясь принципами разума и просветительской философии¹. Как поэт, писатель и философ, патриарх французского Просвещения, он оказал большое влияние на развитие русской культуры XVIII–XIX вв.² Вольтер много интересовался Россией, но не побывал там в отличие от Д. Дидро, который посетил Россию и встречался с императрицей в 1773 г. Его сочинения, получившие распространение и на языке оригинала, и в русских переводах, пользовались не меньшей популярностью среди образованных слоев русского дворянства. Вольтер написал по заказу русского правительства подробную «Историю Российской империи в царствование Петра Великого» (1759–1763) и состоял с 1763 по 1778 гг. в переписке с императрицей Екатериной II, которая приобрела библиотеку философа после его смерти³.

В данном сообщении мы попытаемся сопоставить философско-исторические и политические взгляды Вольтера и русского поэта, публициста, драматурга Александра Петровича Сумарокова (1717–1777). Философско-историческая тема нашла наибольшее воплощение в форме политической инвективы в книге стихов Сумарокова «Оды торжественные» (1774), где она звучит скорее как наставление монархам и политическое завещание поэта об идеале совершенного правителя. Это явление сделало Сумарокова значимой фигурой в истории отечественной общественной мысли, и в настоящее время еще не до конца осмыслено в научной литературе⁴.

В целом для европейского Просвещения характерна оценка исторических и политических явлений с точки зрения философии как науки наук. Это проявилось как у Вольтера, так и у Сумарокова. В таких своих статьях и произведениях, как «Опыт о нравах и духе народов» (1756), «Философия

истории» (1765), «Новое расположение истории человеческого разума» (1775), «Философские речи о человеке» (1788), Вольтер обосновывает приоритет морально-нравственных идей в функционировании социального и политического строя и деятельности власти в той или иной стране. Такого подхода придерживались и другие европейские просветители, сторонники «естественного права» и «общественного договора» – Дж. Локк, Х. Вольф, Ш. Монтескье.

Сумароков, вслед за Вольфом и Локком, рассматривал роль политических фигур и ход исторических событий с точки зрения их соответствия моральным ценностям и принципам рационализма, «естественного права» и «общественного договора». Русский писатель был знаком с трудами Локка по французским и немецким переводам. А труды немецкого философа Вольфа он изучал, когда обучался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. В некоторой степени на формирование его взглядов оказали влияние идеи масонства. Сумароков был одним из первых русских масонов, которые стремились к достижению высшего блага – Царствия Божия на земле – путем самоусовершенствования личности и общества. В его философско-исторических, публицистических, драматических и поэтических произведениях деяния монархов рассматриваются сквозь призму их соответствия одному из основных постулатов этики Просвещения – «добродетели»: «Возвращение добродетели принадлежит начальникам и писателям; проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники за нее награждают, пороки исправляют и беззаконие истребляют. Сие дело есть первая монаршая должность <...> Монархическое правление, я не говорю, деспотическое, есть лучшее; так сии Сократы, посоветовав, изберут себе государя, вельмож и начальников <...> предпишут они не нарушать законов, свяжут и себя, и вельможей теми законами, которые они сами установили <...> На сие, чтобы добродетель охранялася устроены монархи, вельможи и начальники...»⁵. В «Одах торжественных» Сумароков продолжает развивать эту мысль:

Будь нашей радости свидетель;
И ка я ныне добродетель
Российский украшает трон...⁶.

Один из сквозных мотивов – необходимость закона как основного инструмента для проведения в жизнь разумных начал организации общества:

Веселы взоры честность мечтает
И беззаконие трепещет...
Злодейство в пропасть утекает,
А добродетель испускает,
На всю империю, свой луч...

Екатерина воцарилась,
Минерва растворила храм...
Там Петр Великий в облаках...
Глаголет: беззаконным казни
Потребны, сколько и приязни
Прямым отечества сынам...⁷

Будут поздны россов дети
Всею азией владети,
Ей законы изрекут...⁸

Вольтер полагал, что формы правления являются порождением человеческой истории и отвечают условиям места, времени и нравам народов. Так, он замечает, что первоначально государство возникает в форме республики, образующейся из соединения семей. Республика более всего приближает людей к их естественному состоянию. Наряду с этим уже в «Философских письмах», которые стали главным итогом его трехлетнего пребывания в Англии (1726–1729), Вольтер признавал достоинства английской парламентской системы. Помимо гражданских и политических свобод в Англии его особенно привлекала толерантность властей к религиозным, политическим или философским убеждениям своих подданных.

Однако Вольтер неизменно отдавал предпочтение сильной и просвещенной абсолютной монархии. Ему хотелось, чтобы монарх оказался «философом на троне», а не правителем-тираном, творящем насилие, произвол и беззаконие. Согласно Вольтеру, народы были бы счастливы, имея просвещенных и милостивых государей. Мыслитель возлагал на них задачу преобразовать существующий строй и управлять государством на началах разума и законности, распространять знания, бороться с суевериями и предрассудками, нетерпимостью, содействовать экономическому процветанию страны. В этом смысле Вольтер всемерно пытался приобрести современных ему мо-

нархов к философским и социально-политическим идеям Просвещения. Об этом свидетельствует его переписка с прусским королем Фридрихом II и с императрицей Екатериной II.

Вольтер причислял русских самодержцев Петра I и Екатерину II к просвещенным монархам, имена которых должны быть известны миру. Петр I был для него царем-преобразователем, который не остановился перед суровыми мерами, чтобы в короткий срок превратить «варварскую» Россию в европейскую державу. Екатерину II он считал достойной продолжательницей его деяний. Он не только внимательно наблюдал за ее деятельностью, но и благодаря переписке был осведомлен о ее реформаторских намерениях и искренне высказывал свой суждения. Видя в законодательной деятельности основу просвещенного абсолютизма, Вольтер писал в своем письме императрице по поводу ее «Наказа», созданного для Комиссии для составления Нового Уложения в 1767 г.: «Я признаю сие творение за знаменитейший памятник нашего века; оно принесет Вам больше славы, нежели десять сражений...»; <...> «оной „Наказ“, долженствующий быть наказом для всех Государей и судилищ...»⁹.

Вольтер безоговорочно признавал заслугу императрицы как реформатора и приветствовал ее геополитические успехи в борьбе с Оттоманской империей, которая была в его глазах безусловным воплощением варварства, невежества и духовного порабощения. Более того, в своих письмах времен русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он не раз обращается к греческой теме и неизменно подталкивает Екатерину к завоеванию Константинополя с целью возродить греческое государство и даровать грекам свободу и просвещение¹⁰.

Если отношение Сумарокова к заслугам Петра I совпадает в основном с точкой зрения Вольтера, то его взгляд на правление Екатерины II, безусловно, отличен. Философско-исторические политические взгляды Сумарокова можно изучать на материале его публицистических статей в журнале «Грудобывающая пчела» 1759–1761 гг. (см. «Некоторые статьи о добродетели», «Сон – счастливое общество», «О несправедливых основаниях», «О домогательстве», «О разумении человека по мнению Локка»), а также притч, сатир, трагедий, комедий и стихов, изданных как в отдельных изданиях, так и в книге стихов в разных редакциях.

Книга стихов «Оды торжественные» (1774) воссоздает историко-политический контекст России XVIII в. Не случайно, что в основу построения

книги положен хронологический принцип. Это продиктовано стремлением автора дать оценку важнейшим историческим событиям, выяснить причины и следствия, проследить взаимную связь событий и поступков исторических лиц. Впервые вычерчивается периодизация государственной политики Екатерины II: с 1762 по 1768 гг., с 1769 по 1771 гг. и с 1772 по 1774 гг. Кроме того, здесь нашли отражение быт, культура и религиозные аспекты русской жизни.

В сумароковских одах оценивается как прогрессивная внутренняя политика императрицы, которая приступила к преобразованию административной системы и судопроизводства, поощряла искусство и литературу, стремясь сделать науку и философию опорой своей деятельности (см. «На первый день 1764 года» – строфы 7–8, «На день рождения 21 дня 1764 года» – строфа 13). В первые годы екатерининского царствования Сумароков, так же, как и другие его современники-интеллектуалы, надеялся на воплощение либеральных идей. В одах «На день тезоименитства ноября 24 дня 1766 года», «На 1767 год января 1» и других сочинениях он заявляет себя сторонником ограниченной монархии. Поэт положительно откликнулся на создание императрицей «Наказа» и открытие Уложенной комиссии:

И се фортуна обновляет
Спокойствие и тишину,
Златые дни восстанавливает,
Зло вержет в адску глубину.
Законы тверды ныне стали,
Грабители вострепетали:
Исчезнет лихоимства труд;
В порфире правосудье блещет;
Страшна вина, не страшен суд;
Судим невинный не трепещет...¹¹

Но после 1769 г. наступает разрыв Сумарокова с императорским двором. Екатерина II объясняла причину роспуска Комиссии началом войны с Турцией. Сумароков же считал, что главная причина состояла в ее политических разногласиях с депутатами Комиссии. Надежды писателя на ограничение самодержавия и на то, что русские люди «придут в законное положение по правам и справедливости», согласно идеям, выдвинутым Просвещением, не оправдались. К этому времени относятся ряд гневных высказываний Сума-

рокова по поводу развязанной войны в «Разных стихотворениях» (1769) и «Стихотворениях духовных» (1774) и резкое сокращение хвалебных строк о Екатерине в одах. Среди подобных пацифистских высказываний и те, которые относятся, как предостережение, к началу царствования Екатерины II:

Се слово Истинны в законах,
Вещающей царям земли:
Внемлите вы сидя на тронах,
И вся Вселенная внемли:
Премудростию просвещайтесь,
Мечами только защищайтесь;
Не к нападенью острый меч:
Создателем от перва века,
Влиянны крови в человека,
Не жертвами друг другу течь!¹²

Таким образом, Сумароков и Вольтер расходились в их оценке русского абсолютизма. Вольтеровский концепт «философа на троне» был воспринят русской самодержавной властью и впоследствии послужил идеологическому обоснованию государственных преобразований во второй половине XVIII в.

Примечания

¹ О политических идеях Вольтера и трактовке понятий «деспотизм» и «абсолютизм» в истории политической мысли и современной историографии, см.: *Ehrard J.* Le «despotisme éclairé»: de la réalité à l'idée // *L'État moderne: regards sur la pensée politique de l'Europe occidentale entre 1715 et 1848 / études réunies par S. Goyard-Fabre.* Paris : J. Vrin, 2000. P. 63–78 ; *Pomeau R.* Voltaire en son temps. Oxford : Voltaire found. Taylor inst., 1985; *Porset C.* Despotisme: du mot à l'histoire // *L'État moderne : regards sur la pensée politique de l'Europe occidentale entre 1715 et 1848 / études réunies par S. Goyard-Fabre.* Paris : J. Vrin, 2000. P. 53–62 ; *Quastana F.* Voltaire et l'absolutisme éclairé, 1736–1778. Aix-en-Provence: Presses univ. d'Aix-Marseille, 2003.

² *Заборов П. П.* Русская литература и Вольтер, XVIII – первая треть XIX века. Л. : Наука, 1975; *Капр С. Я.* Французские просветители и Россия: исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; *Gorbatov I.* Catherine the Great and the French philosophers of the Enlightenment: Montesquieu, Voltaire, Rousseau, Diderot and Grimm. New York: Acad.

Press LLC, 2006 ; *Larmere Ch. de. La France et la Russie au XVIIIe siècle : études d'histoire et de littérature franco-russe. Réimpr. de l'éd. de Paris, 1909. Genève, 1970.*

³ Среди последних работ, посвященных теме «Вольтер и Россия», см.: Вольтер в

России: библиогр. указ., 1735–1995. М., 1995 ; Вольтер и Россия: сб. / Ин-т мировой лит. РАН ; Всерос. гос. б-ка иност. лит. ; ред. А. Д. Михайлов, А. Ф. Строев. М.: На-следие, 1999 ; *Копанев Н. А.* Как Вольтер стал «русским» // Петровское время в лицах – 2002. СПб., 2002. С. 51–57 ; *Gorbатов I. Op. cit. ; Idem. Voltaire and Russia in the Age of Enlightenment // Orbis Litterarum. 2007. Vol. 62, № 5. P. 381–393.*

⁴ Подробнее о жизни и творчестве Сумарокова см.: Александр Петрович Сумароков : жизнь и творчество : сб. ст. и материалы / авт.-сост. Е. П. Мстиславская. М.: Пашков дом, 2002 ; *Вроон Р.* «Оды торжественные» и «Елегии любовные» : история создания, композиция сборников // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринт. воспроизведение изд. 1774 г. / коммент., изд. подгот. Р. Вроон. М., 2009. С. 387–468 ; *Гуковский Г. А.* Сумароков и его общественно-литературное окружение // История русской литературы : в 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 349–420 ; *Каменский А. Б.* «Оды торжественные» А. П. Сумарокова глазами историка // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. С. 639–662 ; *Мстиславская Е. П.* Сумароков Александр Петрович // Общественная мысль России XVIII – начала XX вв. : энциклопедия. М., 2005. С. 524–525.

⁵ *Сумароков А. П.* Некоторые статьи о добродетели // Н. И. Новиков и его современники : избр. соч. / под ред. И. В. Малышева. М., 1961. С. 342–344.

⁶ *Сумароков А. П.* Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ее тезоименитства 1762 года ноября 24 дня // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. С. 30.

⁷ *Сумароков А. П.* Ода... Екатерине Алексеевне... на 1763 год января 1 дня // Там же. С. 36, 42.

⁸ *Сумароков А. П.* Дифирамб государыне императрице Екатерине Второй на день ее тезоименитства 1763 года // Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 2. С. 64.

⁹ Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с Вольтером. СПб., 1802. Ч. 2. С. 10, 21.

¹⁰ Подробнее см.: *Зорин А. Л.* Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия : сборник. М., 1999. С. 106–116 ; *Его же.* Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое лит. обозрение. 1997. № 24. С. 5–29.

¹¹ *Сумароков А. П.* Ода государыне императрице Екатерине Второй на день ее тезоименитства 1762 года ноября 24 дня // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринт. воспроизведение изд. 1774 г. С. 71.

¹² *Сумароков А. П.* Ода... Екатерине Алексеевне... на 1763 год... // Там же. С. 81.

ВОЛЬТЕР, КНЯГИНЯ ДАШКОВА, ЕКАТЕРИНА II

28 июня 1762 года в России произошёл дворцовый переворот. Петр III был низложен, а на престол вступила Екатерина II. Важную роль в этих событиях сыграла княгиня Е. Р. Дашкова, ближайшая подруга императрицы. Однако относительно того, какова была эта роль в действительности, в первые месяцы после воцарения Екатерины развернулась настоящая война. Борьба же графтовок этого, на первый взгляд, не столь уж важного сюжета, оставила существенный, но до сих пор недостаточно оцененный след в истории российско-французских отношений второй половины XVIII в., даже можно сказать, в истории взаимовлияния культур этих двух стран.

Когда в конце века в руки княгини попало сочинение Ж.-А. Кастера «Жизнь Екатерины II»¹, бывшая заговорщица трижды прочитала ее и оставила на полях многочисленные маргиналии². На той странице, где упоминался Вольтер и Екатерина II, Дашкова сделала примечательную пометку. Имея в виду императрицу, читательница написала: «Elle a dit serpendent au chancelier Bestougeff devant tout le cour qu'elle me devait sa couronne» («Тем не менее в присутствии всего двора императрица сказала канцлеру Бестужеву, что своей короной она обязана мне»)³. В начале XIX в. сестры из Ирландии Марта и Кэтрин Вильмот работали над текстом мемуаров Дашковой, и книга Кастера с многочисленными маргиналиями княгини явилась одним из источников, использованных при составлении воспоминаний бывшей заговорщицы⁴. Знаменательные слова императрицы, подчеркивающие исключительную роль Дашковой в перевороте, были почти буквально воспроизведены в тексте «Записок» Е. Р. Дашковой. Здесь говорилось, что вскоре после переворота императрица, представляя Екатерину Романовну вернувшемуся из ссылки великому канцлеру А. П. Бестужеву, произнесла: «Это княгиня Дашкова! Можно было ли представить, что короной я буду обязана юной дочери Романа Воронцова»⁵. Следует особо подчеркнуть, что императрица говорила об этом не только канцлеру, но и иностранным дипломатам. Члены дипломатического корпуса поспешили довести своим дворам о выдающейся роли Дашковой в полном соответствии с высказываниями самой императрицы⁶. В первые дни нового царствования полагали, что княгиня станет фавориткой Екатерины II и будет иметь большое влияние на дела.